

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

Е. П. Метрели

О ГРУЗИНСКОЙ ГИМНОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Изучение средневекового культурного наследия Грузии, в частности литературного, тесно связано с изучением рукописного наследия. По рукописным материалам можно проследить весь путь духовной жизни народа и определить основные вехи в развитии как письменности, так и других областей национальной культуры.

В истории грузинской средневековой письменности эти вехи очень четко очерчены и создают два основных периода. Первый период охватывает V—X вв., второй — конец X—XV вв. Особенности и культурная ориентация каждой из этих эпох определяются внутренним и внешнеполитическим курсами грузинского государства.

Грузинская средневековая письменность развивалась как в местных грузинских центрах и скрипториях, так и в крупных зарубежных центрах, в той культурной среде, которая отвечала в данное время основному курсу развития грузинской культуры. В зависимости от этого грузинские очаги и скриптории создавались то в одном регионе средневековой культуры, то в другом. Со временем один очаг терял свое значение и передавал эстафету новому культурному очагу, который, продолжая предыдущие традиции, одновременно приобщался к иной культурной среде, к новым достижениям средневековой культуры и науки и, поднимая на новый уровень деятельность книжников грузинских местных и зарубежных письменных очагов, создавал возможности для дальнейшего развития грузинской письменности и культуры. Такова преемственность развития грузинской письменности в местных и зарубежных очагах, их культурная взаимосвязь и взаимодействие.

Очень часто в местных грузинских рукописных центрах свое полное развитие и завершение получало то или иное начинание или направление, которое возникло в зарубежных грузинских очагах.

Грузинские зарубежные культурные центры глобально охватывали духовную культуру того региона, в котором они формировались, но в зависимости от того, в чем нуждалась грузинская

письменность или культура и какие пробелы нужно было восполнить, в зарубежных очагах определялись отдельные приоритеты в области литературы или науки. Таким образом, в грузинских культурных центрах велась как бы специализация по отдельным отраслям литературы и науки, чем и определялись содержание, направление и особенности литературной продукции этих очагов и скрипториев.

Как ни парадоксально, но в средние века, несмотря на большие трудности в передвижении, контакты зарубежных грузинских очагов письменности между собой и с местными центрами были хорошо налажены. Поэтому каждый из центров хорошо был осведомлен о работе других, все же вместе они служили интересам культуры своего народа и, следовательно, старались донести как можно скорее письменную продукцию данного очага до местных очагов, где в конечном счете аккумулировалось все, что делалось в области национальной литературы и культуры за рубежом или в Грузии.

Изучение рукописей по отдельным коллекциям и собраниям имеет огромное значение. Благодаря ему можно учесть все те культурные источники, которые сливались в единый поток национальной культуры и письменности.

Моногенные коллекции рукописей зарубежных грузинских очагов дают ценнейший материал для изучения истории национальной письменности и науки. Поэтому естественно, что такие крупные грузиноведы, как А. Цагарели, Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, К. Кекелидзе, придавали огромное значение изучению грузинских зарубежных рукописных коллекций и их описанию.

В своем «Предварительном отчете» об экспедиции на Синай, осуществленной в 1902 г. совместно с И. А. Джавахишвили, Н. Марр писал: «Итак, мы поехали на Синай и в Иерусалим за сырыми материалами, но материалов захватывающего интереса оказалось такое обилие, что они подчинили нас себе и, в свою очередь, сами поставили нам ряд новых, животрепещущих вопросов по истории христианства в древней Грузии и Армении и по культурному взаимодействию названных соседей не только между собой, но также с прочими народами Передней Азии, преимущественно христианскими. Разрешение этих вопросов облегчилось бы в значительной степени, если бы удалось описать грузинские рукописи Иерусалима и Афона с такой полнотой, как теперь описано синайское собрание».¹

К сожалению, свое желание составить полное описание афонских и иерусалимских рукописей Н. Я. Марр не смог осуществить.²

Естественно, описания рукописей не могут полностью заменить сами рукописи в процессе их изучения. Поэтому начиная с 50-х гг. АН Грузии прилагала все усилия для получения микрофильмов грузинских рукописей зарубежных собраний и коллекций. В 1956 г. библиотека АН приобрела микрофильмы грузинских рукописей Синайских и Иерусалимских коллекций. В 1980 и 1982 гг. Институт рукописей АН получил в дар от живших в Париже грузинских ученых Н. и К. Салия микрофильмы рукописей грузинских коллекций Парижской национальной и Ватиканской библиотек. В 1981 г. кинооператор Г. Патарая и сотруд-

ник госуниверситета А. Микаберидзе засняли коллекцию афонских грузинских рукописей и передали их научным учреждениям. Таким образом, грузинские ученые располагают копиями рукописей почти всех (больших и малых) местных и зарубежных грузинских коллекций. Благодаря этому возросли возможности для исследования кардинальных вопросов развития грузинской средневековой письменности, истории и культуры.

Накопление рукописей разного времени, разного происхождения и разных литературных школ потребовало составления тематических описаний рукописей. Так, наряду с общими описаниями Синайской коллекции грузинских рукописей³ появилось отдельное описание 36 синайских рукописей, составленное Ж. Гаритом⁴ и содержащее библиологические, агиографические, патристические и аскетические памятники. В каталог не вошли литургические рукописи, которые составляют большую часть коллекции (50 рукописей). За изучение редчайших и древнейших грузинских литургических рукописей этой же коллекции взялись сотрудники Института рукописей АН Грузии и опубликовали три тома описаний.⁵ Публикациям предшествовало изучение и исследование рукописей, входящих в состав каждого тома описания, как отдельно, так и в совокупности. Такая исследовательская и археографическая работа, проведенная над тематически объединенными рукописями, является первым необходимым условием для филологического исследования текстов и подготовки к изданию древнейших письменных памятников. На этой базе было издано несколько древнейших грузинских памятников.⁶

Изучение грузинских списков Ирмология X—XI в.,⁷ составление картотеки полного репертуара переводных ирмосов, с указанием на греческие модели и славянские параллели, было необходимым условием для подготовки публикаций древних редакций грузинского Ирмология. Благодаря уже осуществленным публикациям просматривается путь развития грузинской литургической гимнографии VII—X вв. в контексте истории византийской гимнографии.

Одновременная работа над однородными, созданными в одной среде и в одну эпоху гимнографическими рукописными собраниями, изучение их колофонов и записей, переводчиков и переписчиков помогли выявить грузинскую гимнографическую терминологию, которая позволила исследователям лучше представить теоретическую основу и технические приемы, которыми пользовались грузинские гимнографы и переводчики византийских песнопений. Перед нами предстали профессиональные песнотворцы и переводчики, работавшие на уровне достижений византийской гимнографии и музыки.

Для наглядности рассмотрим одну группу грузинских гимнографических терминов.

Грузинские рукописные Тропологии (Иадгари) делятся на две основные группы. Первая группа состоит из четырех синайских рукописей X в. и содержит древнейшую редакцию Тропологии, основное ядро которого охватывает ранний период византийской литургической гимнографии (V—VIII вв.), где тропари не имеют еще формы «силлабически соразмерного слова», а поэтические монострофы заимствованы из грузинского перевода Иерусалимского Лекционария, т. е. из древнейшего типика Иерусалимской

церкви, который был в обиходе и в грузинской церкви V—X вв. Монострофы насыщены библейскими образами, лексикой, часто повторяются библейские тексты, особенно из библейских канон. Поэтические тексты древнейшего Тропология, не имеющие пунктуации (которая делит строфу на ритмические единицы) и каких-либо музыкальных знаков (экфонетических или нотных), видимо, исполнялись произвольным речитативом, хотя и имели указания на гласы.

Эти редкие списки древнейшего греческого Тропология, дошедшие до нас в ранних грузинских переводах, на протяжении двух-трех веков претерпели изменения в соответствии с греческой моделью, но оставались вплоть до конца IX в. основной книгой в богослужении Иерусалимской церкви, а также в практике всей восточнохристианской церкви. Ими долго пользовались в грузинских местных церквях и в зарубежных грузинских колониях.

Но уже с X в. древнейший Тропология уступает место новому типу грузинского Тропология.⁸ Он является переводом того греческого оригинала, который основан на усовершенствованных принципах осьмогласного пения, выработанного Иоанном Дамаскином и Козьмой Иерусалимским, получивших свой завершенный вид и каноническую силу в Октоихе и Ирмологии в VIII—IX вв. Греческие модели грузинского Тропология новой редакции и древнейшего Тропология еще не обнаружены.

Для самого Иоанна Дамаскина творческий процесс создания гимна, по данным его «Жизнеописания»,⁹ состоял из двух моментов. Первый — составление силлабически соразмеренного тропаря или многотропарных композиций (стихира, канон). Такой тропарь со своей мелодикой в дальнейшем приобретает функцию ирмоса. Таким образом, строгая соразмеренная силлабика гимна — одна из главных особенностей гимнотворчества со времен Иоанна Дамаскина. Вторым моментом в гимнотворчестве силлабически соразмеренных тропарей является составление напева по осьмогласной музыкальной системе, где для каждого гласа (лада) характерны свои мелодические обороты-попевки.

Первый этап творчества относится к области поэзии, второй же — к музыке. Поэтому первые прославленные гимноды (как греки, так и грузины) были одновременно поэтами и музыкантами. Созданные ими тропари со своей четкой силлабической структурой и мелодикой приобрели впоследствии функции ирмоса (метрико-музыкальной модели) и вошли в состав самых ранних Ирмологиев, которые стали нормативной поэтико-музыкальной книгой, направляющей уже в очень строгих ритмико-мелодических рамках гимнотворчество последующего времени.

Естественно, грузинская палестинская (саввинская) школа гимнодов,¹⁰ которая уже с VI в. шла шаг за шагом за прославленной палестинской школой греческих гимнодов, старалась не отставать от них, своевременно переводить новые и необходимые книги для богослужения грузинской церкви, не могла оставить без внимания и те большие изменения, которые происходили в византийском гимнотворчестве со времени Иоанна Дамаскина. Соответственно, не могли они не взяться и за перевод новой редакции Тропология. Самые ранние переводы Тропология новой редакции дошли до нас опять-таки в синайских рукописных списках. Большинство из них попало на Синай из грузинского скрип-

тория Саввинского монастыря в Палестине, где грузинскими книжниками велась большая переводческая и творческая работа.

Для перевода греческих гимнов «Нового Тропология» на грузинский язык грузинскому гимноду необходимо было владеть «наукой» о тропаре» (так именует теорию византийского стихосложения грузинский ученый и гимнод первой половины XI в. Георгий Афонит) и теорией осьмогласия в той форме, в какой она внедрялась в гимнотворчество со времени Иоанна Дамаскина.

В процессе перевода новых форм греческих песнопений появилась соответствующая новая грузинская гимнографическая терминология. Грузинская синайская уникальная рукопись первой половины X в. Sin 34, наряду с другими литургическими текстами, содержит текст «Нового Тропология», где впервые встречается термин *qmepani galoba*, обозначающий гласовое пение (*qmepani* — производная форма грузинского слова *qma* со значением голос и глас, ἦχος). Термин *qmepani* зафиксирован в колофоне, который посвящен восхвалению «Нового Тропология». «Восхваление» заслуживает внимания и тем, что восхваляются два прославленных «мужа» — создатели «Нового Тропология». Во второй строфе «Восхваления» сказано: «Хвала Богу, слова, произнесенные из глубины души боголюбимыми двумя блестящими мужами и собранные как жемчуг и преподнесенные нам, верующим». Не исключена возможность, что автор «Восхваления» под «прославленными мужами» подразумевает Иоанна Дамаскина и Козьму Иерусалимского. Следует отметить также, что «жемчужная нить» является общепринятым символом силлабо-поэтического слова, во внедрении которого автор «Восхваления» видит заслугу двух «прославленных мужей».

Аналогичная оценка деятельности Иоанна Дамаскина дана в его «Жизнеописании»: «Благодаря их святости, с ними был Бог, который познается и постигается в их писаниях, сочиненных ими силлабическим размером и украшенных божественными напевами».¹¹

Судя по акростику, автором «Восхваления» следует признать книжника, певчего или песнетворца Георгия, подвизавшегося в первой половине X в. в Саввинском монастыре в Палестине. Термин *qmepani* был, видимо, распространен в кругу грузинских гимнодов этого монастыря, где в VIII—X вв. процветали грузинское гимнотворчество и переводческая деятельность.

С X в. термин *qmepani* (гласовый) и словосочетание *qmepani galoba* (гласовое пение) были вытеснены новыми терминами: *meqeli* и *mequri*.¹² В основе этих трех терминов (*qmepani*, *mequri*, *meqeli*), составленных грузинскими словообразовательными элементами, лежит греческое ἦχος¹³ или его грузинский перевод — *qma*: 1) *qmepani* — *qm-ea-ni*; 2) *mequri* — *m-eq[o]-uri*; 3) *meqeli* — *m-eq[o]-eli*.

Термин *meqeli* непосредственно связан с термином *mequri*. Изучение этих терминов на материале грузинского перевода «Нового Тропология» показало, что «мехелами» именовались профессиональные певчие, владевшие пением мехури, т. е. теорией и практикой византийского гласового ирмологического пения.

Для внедрения в грузинскую богослужбную практику ирмологического пения необходимо было осуществление грузинского

перевода греческого Ирмология, что и было сделано мехелами. Видимо, первые малые сборники греческих ирмосов были переведены к концу IX—началу X в., так как уже в первые малые Тропологии начала X в. включены малые собрания тех ирмосов, которые использованы в каждом отдельном случае. Во второй половине X в. в начале рукописей полного «Нового Тропология» помещен уже полный Ирмологий как сборник ритмико-мелодических моделей для всех песнопений мехури, предназначенных для всех видов Тропология.

Перевод на грузинский язык греческого Ирмология и других певческих книг был сопряжен с большими трудностями. Переводчику грузинского ирмоса первым делом нужно было достичь адекватности грузинского текста силлабической структуре греческого оригинала, после чего мехелы должны были найти способ приспособления греческого напева к грузинскому переводу.

Надо думать, что уже в IX в., может быть, и при жизни Иоанна Дамаскина, напевы ирмосов, т. е. первых тропарей песнопений самого Дамаскина и его собратьев, были фиксированы так называемой палеовизантийской системой невмирования, о которой в науке по сей день мало что известно из-за отсутствия древнегреческих невмированных рукописей VIII—IX вв.

Как же фиксировали грузинские мехелы в своих переводах греческих ирмосов греческие напевы?

Изучение древнейших списков грузинского Ирмология показало, что первые переводчики ирмосов для приспособления греческих напевов к грузинским переводам прибегали к следующему способу: перед началом грузинского текста приписывали начальные слова греческого ирмоса в грузинской транслитерации, что давало возможность профессиональному певчому, знавшему наизусть напевы греческих ирмосов, приспособить их к грузинскому тексту в процессе исполнения.¹⁴ Этот метод перенесения греческого напева на грузинский текст снимал необходимость ритмического деления грузинского перевода ирмоса.

Появление ритмической пунктуации и невмов в грузинских переводных ирмосах и песнопениях, видимо, было связано с накоплением большого количества переводных ирмосов и необходимостью графически зафиксировать напевы для их точного воспроизведения и для обучения певчих.¹⁵

Вся эта огромная работа в IX—X вв. была проделана профессиональными певчими, владевшими теорией гласового пения, — мехелами. Во второй половине X в. мы уже имеем продукт этой интенсивной деятельности под названием «Тропологий мехури»,¹⁶ «Ирмологий мехури» и «Октоих мехури».

Таким образом, *mequrī* и *meqelī* являются не только техническими терминами, но и носителями нового содержания в соответствии с новым направлением в византийском гимнотворчестве, которое ставило новые задачи перед грузинскими гимнодами и переводчиками. Основной задачей для переводчиков было сохранение силлабического соотношения между греческой моделью и ее переводом как в каждой строке, так и в тропаре в целом. Для подсчета слогов появился новый грузинский термин — *tvalva*, что означает «счет, подсчет». Термин *tvalva* зафиксирован в двух афонских Минях (№ 66 и 73),¹⁷ переведенных Георгием Афонитом. В обоих случаях термин связан с переводом греческих ир-

мологических песнопений. Если термин *tvalva* предназначен в основном для достижения силлабической адекватности греческого ирмоса и его перевода, то второй термин *sescogeba* (соразмерение) предполагал соблюдение силлабической соразмерности ирмоса с тропарями в стихирах или одах канона. Соразмеренный византийский силлабический стих также имеет свое грузинское название — *marcvledovani sazomi* (силлабический размер).

Для введения в грузинскую церковную практику ирмологического пения первым долгом надо было перевести на грузинский язык греческий Ирмологий. Перевод Ирмология постепенно пополнялся и совершенствовался на протяжении всего X в. В конечном счете мы получили пространную редакцию невмированного Ирмология, который удовлетворял возросшим потребностям грузинских певчих второй половины X в. и полностью охватывал репертуар пространного варианта «Нового Тропология». ¹⁸ Таким образом, самым большим достижением грузинской гимнографической школы X в. является создание грузинского Ирмология и «Нового Тропология». Материально же это выражается в Невмированном Ирмологии X в. (рукопись А-603 Института рукописей), уже опубликованном, ¹⁹ и в пространной редакции «Нового Тропология», составленного известным грузинским мехелом-песнетворцем Микаэлом Модрекили (рукопись S-425 Института рукописей). В этом списке Тропология выявлены ценные сведения о песнопениях мехури. В нем же обнаружены музыкальные термины: *kilo* — «напев», *kceva* — «добияция». В Тропологиях и Ирмологиях встречаются термины, связанные с невмированием текста: *nišani* (знак) — невма и *agnišva* — производная от *pišani*, термин, означающий невмирование.

Составитель пространной редакции Тропология (S-425) Микаэл Модрекили — видимо, один из последних универсальных мехелов, который владел одновременно как наукой о тропаре, так и наукой византийского ирмологического пения.

Из большого репертуара существующих на грузинском языке оригинальных и переводных песнопений Микаэл Модрекили подбирал наилучший в поэтическом отношении материал для своего Тропология. Его же рукой написана большая часть Тропология с точнейшей ритмико-мелодической пунктуацией. Он же невмировал большую часть рукописи. ²⁰ Надо думать, что такими же мехелами были и другие грузинские поэты X в., которые переводили греческие песнопения и создавали на собственные или греческие напевы оригинальные песнопения.

После окончательного формирования грузинского невмированного Ирмология *meqig* и Тропология *meqig*, которые удовлетворяли практическим нуждам грузинской церкви X—XI вв., потребность в универсальных гимнодах (какими были мехелы), видимо, исчезла. Этим объясняется тот факт, что известный грузинский гимнограф, ученый филолог и переводчик Георгий Афонит в середине XI в. в колофонах к рукописям двух миней деятельность мехелов и их продукцию (Тропологий и Ирмологий *meqig*) рассматривает как исторический факт, пройденный этап в истории грузинской гимнографии, который создал прочную основу для дальнейшего развития науки о тропарях и переводческого искусства в области грузинской гимнографии. Себя он считал их учеником, но одновременно и представителем новой гру-

зинской гимнографической школы. Георгий Афонит высоко ценил труд мехелов, он широко пользовался их переводами для своих новых переводов литургических книг (Минеи, Октоиха, Постной Триоды), но и критиковал их за недостаточное знание «науки о тропаре» и вызванные этим силлабические погрешности, которые иногда допускали в своих переводах мехелы.

Сам же Георгий Афонит занимался переводами новых редакций литургических и певческих книг со строгим соблюдением принципов «науки о тропаре». Для напевов же песнопений он пользовался, в основном, Ирмологием *meqig*.

В XI в. в среде грузинских гимнографов началась специализация. То, что в X в. в процессе переводов песнопений выполняли мехелы, в XI в. осуществлялось уже несколькими профессионалами. Одни переводили тексты греческих песнопений, другие переписывали переводы, третьи расставляли ритмико-музыкальную пунктуацию в текстах, после чего последние неvmировались по существующим грузинским образцам. Для обозначения этой профессии, видимо, в начале XI в. был создан специальный термин *mnišnveli*,²¹ т. е. невматор. Этот термин зафиксирован в единственной афонской рукописи первой половины XI в. № 85 (в Невмированном Ирмологии).

В обязанность *mnišnveli* входило только невмирование текстов песнопений (в основном Ирмология) по существующим моделям. Но в тех случаях, когда надо было внести в грузинскую богослужебную практику перевод нового песнопения с новым напевом, т. е. с неизвестным ирмосом, квалификация *mnišnveli* оказывалась недостаточной и приходилось прибегать уже к знатокам византийского осьмогласного пения, которые умели читать греческие невмированные тексты, воспроизводить греческие напевы и перекладывать их на тексты грузинских переводов.

Таким знатоком византийского осьмогласия был известный деятель конца XI и начала XII в. (современник Давида Строителя) католикос Иоанн. О его деятельности мы узнаем из колофона грузинского перевода Большого Канона Андрея Критского, выполненного грузинским ученым-переводчиком Арсением Икалтоели (XI—XII вв.). У грузинских переводов Большого Канона любопытная судьба: впервые Большой Канон Андрея Критского перевел Евфимий Афонит (ум. 1028). Этот перевод не удовлетворил Георгия Афонита, и он уже в середине XI в. вторично перевел его. Наконец, Арсений Икалтоели третий раз перевел Канон с целью достижения полного ритмико-силлабического соответствия грузинского перевода греческой модели. Однако он отказался от фиксации греческих напевов Канона на грузинский перевод, так как ему не были известны ирмосы Канона Андрея Критского. Они отсутствовали и в грузинских Ирмологиях. В этом деле Арсению оказал помощь католикос Иоанн, большой знаток византийских песнопений, после чего перевод Большого Канона со своими напевами был завершен, а ирмосы этого Канона были включены в репертуар грузинского Ирмология.

Таким образом, то, что в X в. выполнял один универсальный мехели,²² в XI—XII вв. выполнялось несколькими профессионалами, владеющими наукой о тропях и теорией византийского пения. Техническое оформление невмированных рукописей поручалось писцам и *mnišnveli*²³ — невматорам.

Такая специализация в среде грузинских книжников и гимнографов свидетельствует о новом, более высоком уровне развития гимнографии.

Итак, рассматривая грузинские гимнографические термины в конкретных историко-культурных ситуациях, мы начинаем лучше понимать их смысл и назначение. Лучше постигаем творческую и переводческую деятельность, которая велась в среде грузинских гимнографов местных и зарубежных культурных центров, и уровень развития гимнографической науки. Лучше представляем себе теоретическую подготовку грузинских мастеров духовного поэтического слова и музыки разных школ и направлений, а также формы их практической деятельности.

Примечания

¹ Марр Н. Я. Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель—ноябрь) // Сообщения Имп. Православного Палестинского общества. СПб., 1903. Т. 14, ч. 2. С. 51.

² Н. Марр составил неполное описание 37 рукописей из Иерусалимской коллекции: Краткое описание грузинских рукописей библиотеки греческого патриархата в Иерусалиме. Тбилиси, 1955.

³ Марр Н. Я. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря. Л., 1940; Джавахов И. А. Описание грузинских рукописей Синайской горы. Тбилиси, 1947. На груз. яз.

⁴ Catalogue des manuscrits georgiens litteraires du Mont Sinai par Gerard Garitte. Louvain, 1956.

⁵ Описание грузинских рукописей. Синайская коллекция. Ч. 1 / Сост. и подгот. к печати Л. К. Джгама, Е. П. Метревели, Ц. А. Чанкиева, Л. М. Хевсуриани. Тбилиси, 1978; Ч. 2 / Сост. Ц. А. Чанкиева, Л. К. Джгама. Тбилиси, 1973; Ч. 3 / Сост. Р. Гварамия, Е. Метревели, Ц. Чанкиева, Л. Хевсуриани, Л. Джгама. Тбилиси, 1987. Все на груз. яз.

⁶ Две древние редакции грузинского Ирмология (по рукописям X—XI веков) / Подгот. текста и исследование Е. П. Метревели. Тбилиси, 1971; Невмированный Ирмологий / Подгот. текста, исследование и указатели Г. И. Кикнадзе. Тбилиси, 1982; Древнейший Тропологий / К изданию подготовили, исследованием и указателем снабдили Е. П. Метревели, Ц. А. Чанкиева, Л. М. Хевсуриани. Тбилиси, 1980. Все на груз. яз.

⁷ Две древние редакции грузинского Ирмология; Невмированный Ирмологий; Ирмологий из Тропология Микаэла Модрекили / Подгот. текста Ц. А. Чанкиевой (в печати).

⁸ «Новый Тропологий» упоминается в документе 1040 г. см.: Кекелидзе К. Мцхетский документ XI в. и его сведения о грузинской письменности / Этюды из истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1956. Т. 1. С. 247. На груз. яз.

⁹ Подробно о «Жизнеописании» Иоанна Дамаскина см. сведения Е. Метревели: Две древние редакции... С. 042—043.

¹⁰ Многонациональный Саввинский монастырь в VI—X вв. славился как крупный культурно-научный центр, в котором особое место уделялось гимнотворчеству. Здесь долгое время жил и творил и Иоанн Дамаскин со своими товарищами по гимнотворчеству.

¹¹ Кекелидзе К. Грузинская версия арабского Жития св. Иоанна Дамаскина // Христианский Восток. 1914. Вып. 2. С. 148—149; Две древние редакции... С. 042—043.

¹² О значении терминов *мехури* и *мехели* в научной литературе высказывались различные соображения (см.: Кекелидзе К. История древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1960. Т. 1. С. 603—606). К. Кекелидзе первым связал термин *мехели* с греческим *ψωδ*, но не раскрыл музыкальную семантику и теоретическую сущность этого термина. Он считал, что термином *мехури* обозначались только те песнопения, которые применялись в богослужебной практике.

- ¹³ Подробно о значении терминов *мехели* и *мехури* см.: Метревели Е. П. О терминах *мехели* и *мехури* // Шота Руставели: Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1966. С. 160—177. На груз. яз.
- ¹⁴ Две древние редакции... С. 0115—0116.
- ¹⁵ Там же. С. 0116.
- ¹⁶ Кекелидзе К. Мцхетский документ X в. ... С. 248.
- ¹⁷ Лолашвили И. А. Новизна грузинских афонских рукописей. Тбилиси, 1989. С. 8—9. На груз. яз.
- ¹⁸ О редакциях грузинского Ирмология см.: Две древние редакции... С. 056—068.
- ¹⁹ См. примеч. 6.
- ²⁰ В Институте рукописей (Тбилиси) в основном закончена подготовка к изданию сводного критического текста «Нового Тропология» в пяти томах.
- ²¹ Метревели Е. П. Грузинский гимнографический термин «*мнишнвели*» // Изв. АН ГрузССР. 1983. Серия языка и литературы. Т. 2. С. 81—87.
- ²² Джгамая Л. Относительно «*мехури*» и «*мехели*» // Изв. АН ГрузССР. Отделение общественных наук. 1962. № 3. На груз. яз.; Метревели Е. П. О терминах *мехели* и *мехури*.
- ²³ Метревели Е. П. О терминах *мехели* и *мехури*. С. 64—65.

E. Metreveli

A PROPOS DE QUELQUES TERMES HYMNOGRAPHIQUES

La littérature géorgienne médiévale s'est développée dans des centres culturels locaux et dans des centres culturels étrangers. Souvent, les entreprises et les courants littéraires des centres étrangers aboutissaient dans les centres locaux.

Les collections de manuscrits, dont la continuité dans l'espace et le temps au sein de centres étrangers persiste, sont importantes pour l'étude de l'histoire des sciences et de la culture géorgienne.

L'étude codicologique des mss liturgiques homogènes met en valeur la terminologie hymnographique: elle permet de repérer les conditions théoriques et les procédés techniques en usage chez les chantres (*meqeli*) et les traducteurs au moment de traduire les hymnes byzantins des VIIe—XIe siècles.

Lorsqu'on étudie la terminologie hymnographique au sein de centres concrets, on perçoit la valeur scientifique et le développement de l'hymnographie géorgienne, la formation technique des maîtres de la poésie et de la musique religieuses et les formes de leurs exercices pratiques.

Dans notre exposé, nous étudions les termes suivants «*qmeani galoba*» et «*mequri galoba*»: tous les deux sont identiques au chant modal; «*marcvledovani sazomi*» (mesure syllabique), «*kilo*» (mélodie), «*qceva*» (jubilation), «*nišani*» (neûme), «*agnišvna*» (neûmer), «*mnišveli*» (celui qui place les neûmes), «*tvalva*» (compte des syllabes).
